

Борис Акунин

СТРАШНОЕ ВИДЕНИЕ В СТРАСБУРГЕ

Вчера я был на концерте «Музыка свободы», который давали в Страсбурге в поддержку Ходорковского, Лебедева и других российских политзаключенных.

Прирулил из Бретани за 900 километров, с трудом добыл номер в гостинице – уж не знаю, всегда в Страсбурге столько иногородних или это из-за концерта. Большущий зал был переполнен, многие приехали и прилетели издалека.

Страсбургские жители, кому повезло достать билет, я полагаю, в основном пришли послушать игру Гидона Кремера, Евгения Кисина, Миши Майского, Марты Аргерих – в одной программе нечасто увидишь такое количество суперзвезд.

Те, кто вроде меня добирался издалека, приехали из-за узников.

Выглядел зал так: концерт на фоне чистого неба за тюремной решеткой.

Я не особенный меломан, современную серьезную музыку воспринимаю со скрипом.

Поэтому сначала просто впитывал атмосферу. На концертах классической музыки и всегда-то собираются люди с лицами много приятней среднего уровня, а уж на таком тем более.

Потом я вспомнил, как в детские годы один мой приятель, отличник из музыкальной школы, учил меня слушать «трудную музыку».

Он говорил: «Ты, короче, сиди и прислушивайся, чего в тебе происходит, понял? Это и будет музыка». «А если ничего не происходит?» – спросил я. «Тогда, – говорит, – одно из двух. Или музыка фиговая, или ты тупой».

В общем, я сидел и старательно прислушивался к себе.

Пока исполняли нежную композицию Гия Канчели для скрипки и голоса, мысли у меня были благостные. Я думал, что ради недостойного дела и плохих людей великие музыканты таких представлений давать не станут. Тем более бесплатно: организаторы сказали мне, что не потратили на страсбургский концерт ни копейки – наоборот, весь сбор предназначен для подмосковного интерната в Кораллово.

Но потом пошли вещи диссонансные, резкие, даже тревожные. И в разгар 14 симфонии Шостаковича на меня обрушилось страшное видение. (С писателями, знаете, бывают мистические прозрения – особенно если они прислушиваются к себе так усердно, как это делал я).

Приоткрылась таинственная завеса, и я на миг смог заглянуть в недалекое будущее. Заглянул – и содрогнулся.

Мне вообразилось, что прошло несколько лет, власть в России переменялась – революция, дворцовый переворот или еще что-то – и начался судебный процесс над деятелями прежнего режима, как это обычно бывает в нашей истории.

Вместо Ходорковского и Лебедева судят Путина с, допустим, Сечиным. И, как водится в нашей извечно сервильной судебной системе, вешают на арестантов всё на свете, в чем они даже и не виноваты. Караулов по телевидению запускает фильм про кровавые преступления путинской банды. Прокуроры запугивают свидетелей, очередной Данилкин пугливо улавливает желания нового начальства. И так далее, и так далее.

И, видя это безобразие, писатели с тяжким вздохом начинают заступаться за новых политзаключенных. Потому что такая уж у русских писателей планида.

Вот, допустим, желаешь послать к лешему традиции отечественной словесности, анархически перемешать зерна с плевелами и гулять себе, насвистывая, по литературному лугу, срывать цветы удовольствий. Но такие на этом лугу произрастают травы, такой там воздух, отравленный всякими толстыми-достоевскими-чеховыми, что, надышавшись миазмов, как миленький начинаешь милость к падшим призывать, никуда не денешься...

Однако содрогнулся я не от кошмарной фантазии, что буду вынужден защищать павшего Путина. О нет! Мне, почтенные читатели, привиделся концерт в поддержку этого узника совести. И то, как я поеду туда проявлять солидарность...

Во-первых, я представил, где может происходить подобное мероприятие. Наверное, ох, в каком-нибудь Тегеране или Пхеньяне. Где ж еще?

Во-вторых, кто там будет выступать? Вероятно, те мастера культуры, которые сегодня столь горячо поддерживают Владимира Владимировича и возглавляемую им партию?

Леденящая картина предстала предо мной, когда я вообразил этот пир духа. На сцене поют Бабкина с Кадышевой и Дима Билан с Басковым, гоняют тигров братья Запашные, декламирует стихи про духовное Николай Бурляев. Ну и Розенбаум, конечно.

А в зале, среди соответствующей публики (ну там Грызлов, Эрнст с Добродеевым, Любовь Слиска, Пушкин-Леонтьев) сидим плечом к плечу мы с Людмилой Улицкой, отдуваемся за профессию. На груди у нас значок «Свободу ВВП!», на бледных устах испуганная улыбка. Потому что никуда не денешься. Сиди, терпи.

И стало мне страшно. Реально, то есть нереально (это ведь теперь синонимы) страшно.